

Наталья ХАРИТОНОВА

ПИСЬМО С КУБЫ. РАФАЭЛЬ АЛЬБЕРТИ И МАРИЯ ТЕРЕСА ЛЕОН В ГАВАНЕ*

Аннотация: В статье представлены новые факты о трансатлантическом путешествии испанских писателей Рафаэля Альберти и Марии Тересы Леон и их пребывании в Гаване весной 1935 г. В тюрьме Кастильо-дель-Принсипе они встретились с отбывающими наказание кубинскими литераторами Хуаном Маринельо, Рехино Педросо и Хосе Мануэлем Вальдесом Родригесом, редакторами журнала *Masas*. Материалы престижного мадридского литературного издания *Gaceta Literaria* показывают, что самым известным из трех авторов в Испании был Маринельо, хотя в СССР в это время его фигура внимания не привлекала. Вальдес Родригес и Педросо лишь упоминались в испанской печати, но к этому времени успели завязать контакты с советскими писательскими организациями. В то же время кубинскую интеллигенцию и литературные круги в других странах Латинской Америки и США связывало многолетнее сотрудничество. Анализ представления о кубинских интеллектуалах в испанской культуре, а также сведения о межнациональных культурных связях позволяют понять, как во время своей поездки испанские писатели взаимодействовали с американскими литературными объединениями. Антиимпериалистические взгляды объединили Альберти и Леон с кубинскими коллегами. Альберти сопоставлял империализм США с испанской колонизацией Латинской Америки. При этом в восприятии Кубы испанцы отталкивались от доктрины испаноамериканизма, осмысляя ее как «свое» пространство, но это только дополнительно мотивировало их участие в кампаниях солидарности с островом Карибского бассейна. В приложении печатается письмо Леон советскому испанисту Ф. Кельину, написанное из Гаваны.

Ключевые слова: испано-американские литературные связи, история испаноязычных литератур XX века, Рафаэль Альберти, Мария Тереса Леон, Куба, Хуан Маринельо, Рехино Педросо, Хосе Мануэль Вальдес Родригес, Ф.В. Кельин, конкиста, испаноамериканизм, Фульхенсио Батиста, МОПР.

© 2020 Наталья Юрьевна Харитонова (PhD, ст. научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва) barrocorggu@mail.ru

---

* Статья написана при финансовой поддержке гранта Шведского института.

UDC 821.134.2

DOI <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2020-8-98-119>

Natalia KHARITONOVA

LETTER FROM CUBA. RAFAEL ALBERTI AND MARÍA TERESA LEÓN IN HAVANA*

Abstract: The article considers the newly unearthed facts about the transatlantic travel of the Spanish writers Rafael Alberti and María Teresa León and their stay in Havana in the spring of 1935. They visited Cuban writers Juan Marinello, Regino Pedroso and José Manuel Valdés Rodríguez imprisoned in Castillo Del Principe. Analysis of the prestigious Madrilenian literary review *Gaceta Literaria* shows that by that time Marinello was a well-known author in Spain, although he was practically unknown in the Soviet Union. Pedroso and Valdés Rodríguez deserved little attention in Spanish press, but, unlike Marinello, they had established contacts with the Soviet writers' organizations. At the same time, all of them collaborated with writers and periodicals in the United States and other Latin American countries. The image of these Cuban intellectuals in the Spanish press, their participation in transnational Spanish-American cultural networks require a detailed analysis and help to understand to what extent the Spanish writers in question were involved in American literary associations during the trip. Alberti and León, as well as their Cuban colleagues, shared anti-imperialist views. Alberti compared the US imperialism to the Spanish colonization of America. At the same time, the Spaniards' attitude to Cuba (and Spanish-American countries in general) was deeply influenced by Hispanoamericanism. Alberti and León interpreted Hispanoamerica as "their own" space, and their stay in Cuba motivated them to further participate in Cuban solidarity campaigns. María Teresa León's letter to the Soviet Hispanist, critic and translator F. Kelin written in Havana is published in the addendum.

Keywords: Spanish-American literary connections, twentieth century Spanish and Spanish-American literary history, Rafael Alberti, María Teresa León, Cuba, Juan Marinello, Regino Pedroso, José Manuel Valdés Rodríguez, Fedor Kelin, conquest, hispanoamericanismo, Fulgencio Batista, International Red Aid.

© 2020 Natalia Yu. Kharitonova (PhD, Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow) barrocorgu@mail.ru

---

* Acknowledgements: The publication is part of my research work at the Department of Modern Languages, Uppsala University, funded by a Swedish Institute fellowship.

Natalia KHARITONOVA

CARTA DE CUBA. RAFAEL ALBERTI Y MARÍA TERESA LEÓN EN LA HABANA

Resumen: El artículo ofrece nuevos datos acerca del viaje transatlántico de Rafael Alberti y María Teresa León, y su estancia en La Habana en primavera de 1935. Alberti y León fueron a las Américas con la misión del Socorro Rojo Internacional, pero al mismo tiempo pretendían actuar como representantes de la Organización Internacional de Escritores Revolucionarios, con su sede en Moscú. En la cárcel del Castillo del Príncipe los viajeros españoles visitaron a Juan Marinello, Regino Pedroso y José Manuel Valdés Rodríguez, redactores de la revista cubana *Masas*. Para contextualizar la visita, estudiamos los materiales de la madrileña *La Gaceta Literaria* que muestran que para 1935 la mayor proyección en España tenía Juan Marinello. Valdés Rodríguez y Pedroso merecieron tan solo algunas menciones en la prensa literaria española, pero ya contaban con los contactos con las instituciones literarias en la URSS. A la vez, desde hace tiempo los intelectuales cubanos participaban en las redes literarias interamericanas, en América Latina y Estados Unidos. Antes de llegar a Cuba, Alberti y León conocían solo a Valdés Rodríguez que igual que ellos había asistido al Primer Congreso de Escritores Soviéticos en 1934. La visita a la prisión fue la ocasión para conocer a Pedroso que publicó en la URSS unos poemas suyos traducidos al ruso en 1935, y a Marinello cuyo nombre se desconocía en la Unión Soviética de aquel entonces. Dichas informaciones permiten comprender como los escritores españoles interactuaban con las asociaciones literarias en las Américas. Alberti y León participaron en las redes literarias interamericanas izquierdistas que tenían su funcionamiento autónomo y no estaban coordinadas desde Moscú. En Nueva York, los artistas españoles pudieron ver protestas contra la violencia de las autoridades en la Cuba de Fulgencio Batista y la política imperialista de EEUU. En su viaje transatlántico, Alberti y León manifestaron su antiimperialismo que también formaba parte del ideario de los intelectuales cubanos con los que entraron en contacto. Curiosamente, León empezó la carta enviada desde La Habana aludiendo irónicamente a la conquista. En sus textos literarios derivados del viaje transatlántico, Alberti equiparó el imperialismo de Estados Unidos con la conquista española de América. Sin duda, su lectura de Cuba fue condicionada por el hispanoamericanismo que le permitió apropiarse simbólicamente del espacio cubano y representarlo como propio, español. El sentimiento de la unidad hispana les motivó a participar en las campañas de solidaridad con Cuba. En el anexo se publica por primera vez la carta de María Teresa León a Fedor Kélin, escrita en La Habana, acompañada por un comentario.

Palabras clave: Rafael Alberti, María Teresa León, Cuba, Juan Marinello, Regino Pedroso, José Manuel Valdés Rodríguez, Fedor Kélin, conquista, hispanoamericanismo, Fulgencio Batista, SRI.

© 2020 Natalia Kharitonova (Doctora en Filología Hispánica, investigadora del Instituto de Literatura Mundial Máximo Gorki de la Academia de Ciencias de Rusia, Moscú) barrocorgu@mail.ru

16 апреля 1935 г. супружеская чета испанских литераторов Рафаэля Альберти и Марии Тересы Леон прибыла в Гавану на борту парохода «Сибоней». Много лет спустя писательница вспоминала на страницах своей книги «Память меланхолии» (*Memoria de la melancolía*, 1999), что у нее, как и у многих испанцев ее поколения и социального статуса, Куба мгновенно вызывала ассоциации с детством: это были кубинские хабанеры и гуахиры, которые пела на ночь няня, и запах хороших кубинских сигар, которые курил ее отец. Тем не менее, причины, побудившие Альберти и Леон отправиться на Кубу, были далеко не сентиментального характера. Их трансатлантический вояж начинается в марте 1935 г., а задачей его было выполнение миссии Международной организации помощи борцам революции (МОПР): информировать американцев о ситуации в Испании и осуществлять сбор средств в пользу испанских рабочих и их семей, а с другой стороны, быть информантами Коминтерна относительно положения в странах американского континента.

Летом 1934 г. Альберти и Леон побывали на Первом съезде советских писателей в Москве, а после его завершения продолжили поездку по СССР. Осенью они должны были отправиться из Одессы в Европу, а далее – в Испанию. Но в начале октября на севере страны, в Астурии, регионе, где традиционно добывался уголь, поднялась волна забастовок шахтеров. Стачное движение охватило всю страну, но именно в Астурии восстание рабочих, взявших за оружие, было жестоко подавлено властями. После событий октября 1934 г., которые получили название Красного октября в Астурии или Астурийской революции, страна погрузилась в полицейский террор и репрессии. В конце октября 1934 г., когда Альберти и Леон были в Италии, письмо матери Марии Тересы заставило их прервать свое возвращение в Испанию. В их мадридской квартире был произведен обыск, после которого полиция опечатала двери. Угроза ареста вынудила их остаться за границей, в Париже.

Именно там, в столице Франции, где они приняли самое деятельное участие в политической жизни испанской эмиграции, зимой 1935 г., по воспоминаниям Марии Тересы, у них состоялся разговор с руководителем Итальянской компартии Эрколи, то есть Пальмиро Тольятти, который спросил их: «Почему бы вам не поехать в Северную Америку и не рассказать о недавних событиях в Астурии?» [León 1999: 127]. Путешествие, которое сама Мария Тереса называет «случайным», они начинают с Нью-Йорка, а затем едут по самым разным

странам латиноамериканского континента, сделав первую остановку на Кубе¹.

Альберти и Леон прибыли в Гавану во вторник, 16 апреля 1935 г., а на борт корабля «Сибоней», следовавшего в Мексику, поднялись во вторник, 7 мая, и хотя изначально они планировали остаться на острове две недели, их пребывание там продлилось на неделю дольше.

Трансатлантическая поездка писателей 1935 г. уже оказывалась в фокусе внимания исследователей. Испанский литературовед Мануэль Пулидо Мендоса обратился к нью-йоркскому этапу поездки Альберти и Леон, собрав множество сведений и свидетельств из американской печати того времени [Pulido Mendoza 2010]. Французский историк Робер Марраст с особой тщательностью изучил мексиканский этап путешествия, сопроводив историю поездки выдержками из мексиканской прессы 1935 г., освещавшей пребывание Альберти и Леон в Мексике [Marrast 1984]. О времени, проведенном писателями на Кубе, Марраст пишет очень кратко, ссылаясь в основном на комментарий Альберти к книге стихов 1936 г. [Marrast 1984: 20-21].

Таким образом, поездка испанских литераторов на Кубу до сих пор детально не освещалась, хотя для Альберти она безусловно стала одним из самых ярких эпизодов его первого знакомства с Америкой и странами Карибского бассейна. Свидетельством тому служат литературные произведения Альберти, написанные по следам его путешествия, где Кубе отведено значительное место: он подробно пишет о ней в своем травелоге «Встреча в Новой Испании с Берналем Диасом дель Кастильо» (*Encuentro en la Nueva España con Bernal Díaz del Castillo*), появившемся в марте 1936 г. на страницах мадридской газеты *Sol*, и в поэтическом сборнике «13 полос и 48 звезд» с подзаголовком «Поэма Карибского моря» (*13 bandas y 48 estrellas. Poema del Mar Caribe*), опубликованном в конце мая 1936 г. в Мадриде. Мария Тереса Леон также подробно пишет о кубинском эпизоде поездки в книге «Память меланхолии» (*Memoria de la melancolía*, 1970). Кроме этого, в распоряжении исследователей есть отчет в МОПР, подготовленный писателями по возвращении в Париж. Из Гаваны Леон написала письмо Ф.В. Кельину (1893–1965), испанисту и сотруднику

---

¹ В 2021 г. ожидается публикация моих статей об американском путешествии Альберти и Леон: “Rafael Alberti y María Teresa León en su viaje a América en 1935 y las redes literarias transnacionales” и “El viaje transatlántico de Rafael Alberti en 1935”, где более подробно изучается их пребывание в Нью-Йорке и анализируются литературные произведения, написанные Альберти об Америке.

аппарата Международной организации революционных писателей (МОРП), затем – Иностранной комиссии Союза советских писателей. В этом письме, которое впервые публикуется нами в приложении, Леон рассказала ему о своем пребывании на Кубе. Обозначенный круг текстов позволяет не только восстановить многие детали путешествия писателей на Кубу и установить их кубинские контакты, но и проанализировать их взаимодействие с этим островом карибского бассейна (в самом широком смысле) с точки зрения трансатлантических исследований как интеллектуальный диалог и примечательную страницу в «испанском прочтении» Кубы.

Альберти и Леон уезжают на Кубу из Нью-Йорка, где они провели немногим больше месяца. В Нью-Йорке писатели активно взаимодействовали с секретарем Центральноамериканского или Карибского бюро МОПР, которого они называют Р. Гомесом. Из отчета Альберти и Леон о поездке следует, что свой дальнейший маршрут по Америке они обсуждали с Гомесом, которой «счел уместным», чтобы они поехали на Кубу «в качестве наблюдателей»². Причиной такого решения стала ситуация, которая сложилась на острове к весне 1935 г.

К апрелю на Кубе оформляется «популистская» диктатура, в то время, как «противостояние левых и леворадикальных политических объединений Кубы (коммунисты и «Молодая Куба») и менявшихся правительств, в связке с бессменным главнокомандующим вооруженными силами Ф. Батистой, сопровождалось актами насилия с обеих сторон» [Тусинов 2013: 15]. Перенос выборов с марта на август 1935 г. вызвал новую волну забастовок, акций неповиновения властям, взрывов и беспорядков. 11 марта в Гаване было введено военное положение и, как писала газета *New York Times*, «на 12 марта в тюрьмах Гаваны содержалось уже более тысячи задержанных участников протестов» [цит. по: Тусинов 2013: 16].

В условиях пристального полицейского контроля за общественными мероприятиями Альберти и Леон не могли открыто проводить кампанию в пользу пострадавших испанских шахтеров, и, судя по всему, ограничили свои контакты и в литературных кругах, потому что основной темой их отчета в МОПР становятся посещение тюремных учреждений и соображения по поводу условий содержания заключенных. Тем не менее среди узников тогда было немало лите-

---

² Отчет в МОПР Р. Альберти и М.Т. Леон. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 231. Л. 102. Здесь и далее русский перевод с испанского оригинала мой.

раторов и журналистов. Альберти и Леон посещали женскую тюрьму в Гуанабакоа, где среди заключенных было много учителей, о чем свидетельствует отчет МОПР, а свидание с кубинскими интеллектуалами в Кастильо-дель-Принсипе упоминается почти во всех текстах, написанных ими после поездки. В травелоге Альберти пишет: «Когда я приехал на Кубу, один из лучших писателей острова, пример всем нам, Хуан Маринельо, отбывал полугодичное наказание в тюрьме Кастильо-дель-Принсипе» [Alberti 2000: 183].

Жизнь кубинского писателя Хуана Маринельо была тесно связана с Испанией. Испанец по отцу, он получил школьное образование в Вилафранке-де-Пенедес, а в начале двадцатых годов, в дополнение к законченной в Гаване аспирантуре, учился в испанской столице, в университете Комплутенсе. Вернувшись на Кубу, Маринельо совмещал преподавание с занятиями литературой. Престижное мадридское издание *Gaceta Literaria*, выходившее в 1927–1932 гг. с подзаголовком «иберийское, американское, международное», регулярно освещало литературную и культурную жизнь Латинской Америки в рубрике «Американские открытия», благодаря которой имя Хуана Маринельо стало хорошо известно испанскому читателю. Начиная с 1927 г. за Маринельо закрепилась репутация одного из представителей кубинского поэтического авангарда, члена редакционного совета литературного журнала *Revista de Avance*. Никарагуанский критик Э. Авилес Рамирес писал о нем на страницах *Gaceta Literaria*: «Хуан Маринельо-Видауррета создан из чувствительности, чувствительности, чувствительности. Тенистый источник, воды которого струятся и говорят» [Avilés Ramírez 1927: 5]. Важной вехой испано-кубинских литературных связей стала поездка на Кубу Федерико Гарсиа Лорки. Он прибыл на остров в марте 1930 г., и среди кубинских писателей, которые организовали его встречу, был Хуан Маринельо [Alemany Bay 2011]. Тогда же между Лоркой и Маринельо завязалась дружба, которую через шесть лет оборвала трагическая смерть испанского поэта.

Кроме литературной деятельности Маринельо необходимо отметить его участие в общественной и политической жизни. Уже в середине двадцатых годов он принял участие в Первом студенческом съезде на Кубе, сотрудничал с венесуэльским журналом *América Libre*, подписывал политические манифесты и воззвания, состоял в переписке с перуанским писателем и философом Х.К. Мариатеги, оказавшим большое влияние на формирование его марксистских взглядов [Pacheco

González 2017]. Маринельо стал одним из основателей и руководителей кубинского отделения Всеамериканской антиимпериалистической лиги (*Liga Antiimperialista de las Américas*, осн. 1925). В 1931–1932 гг. Маринельо был подвергнут тюремному заключению вместе с другими участниками молодежного объединения «Левое студенческое крыло». Будучи политическим заключенным, писатель опубликовал в костариканском журнале *Repertorio Americano* открытое письмо, в котором от имени латиноамериканской молодежи благодарил американского философа, педагога и общественного деятеля Джона Дьюи, осудившего политику США в карибском регионе и поддержку режима Мачадо [Marinello 1931]. *Gaceta Literaria* перепечатала письмо Маринельо в марте 1931 г. с комментарием, что писатель «отбывает несправедливый тюремный срок на Кубе» [Noticiario 1931: 15–16], таким образом в Испании о нем уже знали не только как о поэте, но и как об участнике протестного движения. 1933 год Маринельо провел в эмиграции в Мексике, после падения режима Мачадо вернулся на Кубу, но в 1935 г. снова оказался в тюрьме уже во время диктатуры Батисты из-за своего участия в политической жизни и связей с коммунистической партией.

До поездки на Кубу Альберти и Леон были знакомы с Маринельо лишь заочно, по известиям из печати и публикациям. Посещение тюрьмы Кастильо-дель-Принсипе положило начало их знакомству. Об этой встрече Мария Тереса Леон эмоционально пишет в письме Ф. Кельину³. Но и годы спустя, в воспоминаниях, она отметит: «Мы обняли Хуана Маринельо в тюрьме Кастильо-дель-Принсипе. И спросили его: “А такой уж непобедимый этот Фульхенсио Батиста?”» [León 1999: 137]. После своего отъезда в Мексику Альберти и Леон активно протестовали против заключения Маринельо и кубинских интеллектуалов. Известность имени Маринельо, безусловно, привлекала дополнительное внимание к кампании в защиту политических заключенных и ситуации на Кубе, и одновременно была знаком солидарности испаноязычного писательского сообщества. В отчете в МОПР Альберти и Леон написали:

Мы подробно ознакомились с положением на Кубе и обещали совместить нашу испанскую кампанию с кубинской. Во время наших первых мероприятий в Мексике мы так и делали, неоднократно

---

³ В 1968 г. вышел русский перевод воспоминаний Х. Маринельо (1964), в которых он, в числе прочего, описывает встречу с Лоркой. См. [Маринельо 1968].

инициируя акции интеллигенции в защиту политзаключенных. Мы также приняли участие в создании Комитета в защиту заключенных на Кубе, написали стихи о кубинской революции, которые читали на всех собраниях и даже на митинге, где выступил бывший президент, доктор Грау Сан-Мартин⁴.

Кроме того, из отчета мы узнаем, что в университете Габино Барреда мексиканской столицы писатели побывали на встрече, посвященной годовщине падения режима Мачадо, после которой на Кубу были отправлены телеграммы с требованием освободить Хуана Маринелью и других политзаключенных⁵. В дополнение к этому, Альберти предварил поэтический сборник «13 полос и 48 звезд» посвящением: «Хуану Маринелью и всем писателям-антиимпериалистам Латинской Америки». А в комментариях к сборнику добавил: «...за одно только преступление быть редакторами и руководителями антиимпериалистического издания *Masas* Хуану Маринелью, рабочему поэту Рехино Педросо и Хосе Мануэлю Вальдесу Родригесу, моим друзьям и товарищам, пришлось отбывать полугодовое наказание в Кастильо-дель-Принсипе. Я никогда не забуду продлившегося до заката свидания с ними в старой крепости колониальной эпохи» [Alberti 1936: 38].

Продолжилось знакомство Маринелью с Альберти и Леон уже при совсем других обстоятельствах, когда в проявлениях международной солидарности нуждалась сама Испания. В 1937 г., во время испанской гражданской войны, кубинский поэт стал участником Второго международного конгресса писателей в защиту культуры, прошедшего в Валенсии, Мадриде, Барселоне и Париже.

Кроме Маринелью, Альберти и Леон упоминают еще одного узника совести – Хосе Мануэля Вальдеса Родригеса, которому Мария Тереса, в отличие от Маринелью, уделяет гораздо больше внимания в письме к Кельину. Это неслучайно. Журналист, специализировавшийся на литературной и кино-критике, Вальдес Родригес был товарищем Маринелью по Антиимпериалистической лиге. Начиная с двадцатых годов, он печатался в журналах *Revista de Avance* и *América Libre*, а в начале тридцатых успешно сотрудничал с голливудским журналом *Experimental Cinema* [Dueñas Becerra 2018]. В Гаване он зарабатывал

⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 231. Л. 105.

⁵ Там же. Л. 111.

на жизнь тем, что вел рубрику светской хроники в газете *Mundo*, но одновременно с этим изучал марксизм, писал о кино и переводил статьи хорошо известного в СССР американского журналиста Майкла Голда в *Revista de La Habana* [Novás Calvo 1931: 2]. В 1934 г. Вальдес Родригес побывал в СССР. Ему, корреспонденту журнала *Bohemia* и газеты *Ahora* [Dueñas Vecerra 2018], выпала честь освещать Первый съезд советских писателей и там же, скорее всего, он мог познакомиться с Альберти и Леон. Еще одним важным для кинокритика знакомством стала встреча с С. Эйзенштейном, творчеством которого он интересовался и восхищался задолго до своего приезда в Москву. Начало их дружбы восходит к одному из эпизодов злополучной истории фильма «Да здравствует Мексика!», когда «в США был создан комитет защиты мексиканской картины Эйзенштейна, добивавшийся предоставления режиссеру права самому завершить работу над ней» [Юмашева 1993: 70]. В 1934 г. редакторы журнала *Experimental Cinema*, среди которых был и Вальдес Родригес, также протестовали, пусть и тщетно, против выхода на экраны «Бури над Мексикой» и требовали вернуть отснятый материал Эйзенштейну [Naran 2011: 577]. В Москве сохранилась страница из выходившего в Швейцарии журнала *Close-Up*, посвященного искусству кино⁶, где был опубликован перевод фрагмента статьи «Одолжайтесь!» [Eisenstein 1933] с дарственной надписью Эйзенштейна от 2 августа 1934 г.: «Другу Вальдесу Родригесу. Искренне ваш Сергей М. Эйзенштейн» [цит. по: Dueñas Vecerra 2018]. После возвращения на Кубу, с сентября по декабрь 1934 г., Вальдес Родригес состоял в переписке с Ф. Кельиным, который стал общим знакомым для Альберти и Леон и кубинского журналиста. Пользуясь случаем, через них Вальдес просил осведомиться у Кельина относительно судьбы своих статей, планировавшихся для публикации на русском языке в СССР, что Леон и сделала в своем письме с Кубы.

Поэт Рехино Педросо был третьим заключенным, с которым общались испанские писатели в тюрьме Кастильо-дель-Принсипе. В отличие от Маринельо, в Испании того времени он был известен гораздо меньше. Однако испанский литературный критик Л. Новас Кальво, делая в 1931 г. обзор литературной жизни Кубы, где ему довелось провести некоторое время, рассказывал на страницах *Gaceta Literaria*, что Педросо принадлежал к группе «цветных поэтов», которые пишут

---

⁶ РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 2. Ед. хр. 1784.

о «проблемах негров», и дал ему примечательную характеристику, объясняющую его малоизвестность:

Педросо тоже поэт. Его называют кузнецом, потому что он работал по этой специальности, и у него есть замечательная поэма, озаглавленная «Братский привет механической мастерской» (*Salutación fraterna al taller mecánico*). А еще ему принадлежит уникальная в своем роде поэзия. Это имитация переводов с китайского, которые кажутся подлинными. Да и по его венам течет китайская кровь. Тщедушного телосложения, он носит маленькие очки, а за ними скрываются его раскосые восточные глаза. Много смеется и ведет разговоры с веселым пылом. Я познакомился с ним в последний день перед отъездом. Встретиться с ним сложно. Он возвращается в своем квартале и никогда не участвует в литературных собраниях. Говорит, что пишет много поэзии, но ему безразлично, будет ли она напечатана. Сочиняет стихи для себя и показывает их своим друзьям [Novás Calvo 1931: 3].

Как писал Альберти, Педросо входил в редакционный совет журнала *Masas*, но помимо этого, сотрудничал и с самым широким кругом кубинских и американских литературных изданий, начиная с уже упоминавшихся в связи с его товарищами по заключению *Bohemia*, *Revista de Avance* и *Mundo*, и заканчивая *New Masses*, *West Indian Review* и *Poetry Quarterly*, среди многих других [I.S.L.].

В 1933 г. Педросо вступил с Ф. Кельным в переписку и отправил ему по почте книгу своих стихов⁷. В июне 1935 г. на страницах журнала «Интернациональная литература» на русском языке вышла поэма Рехино Педросо «Сентябрь» [Педросо 1935], а в июле того же года – биографическая справка о Педросо на английском⁸. Хотя в своем письме к Кельину Леон не упоминает поэта, можно предположить, что тюремное заключение кубинского поэта стало одной из причин этих публикаций в СССР.

Выше отмечалось, что кубинские литераторы, с которыми встречались Альберти и Леон, сотрудничали с изданиями левого толка в разных странах Америки. Как пишет кубинская исследовательница М.К. Пачеко Гонсалес, «1920-й год на Кубе открывает десятиле-

---

⁷ Книга с дарственной надписью от Р. Педросо для Ф. Кельна, 1933 г. РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед.хр. 282.

⁸ *International Literature* 7 (1935): 103.

тие формирования мощного движения интеллигенции, мыслящей в латиноамериканских масштабах» [Pacheco González 2011]. Это понимание единства латиноамериканского континента, безусловно, способствовало наднациональным связям творческой интеллигенции, и как мы могли убедиться, кубинские писатели состояли в переписке и сотрудничали с коллегами в Венесуэле, Перу, Коста-Рике и Мексике. Присущие латиноамериканизму антиимпериалистические убеждения никак не мешали кубинцам развивать построенные на единстве не просто географическом, но идеологическом отношении с сообществом литераторов США. Это были американские писатели и журналисты, стоявшие на схожих марксистских и коммунистических позициях и также критически относившиеся к империализму США. Ко времени поездки Альберти и Леон тенденция к объединению американской интеллигенции уже вполне определилась, о чем в частности свидетельствует участие кубинских писателей во Всеамериканской антиимпериалистической лиге.

Отметим и особое взаимодействие между Кубой и Мексикой. Для Маринельо Мексика становится страной эмиграции, причем дважды, в 1933 и в 1936–1937 гг. В конце апреля 1935 г., когда Альберти и Леон гостят на Кубе, в первом учредительном съезде Лиги американских писателей (*League of American Writers*), проходившем в Нью-Йорке, приняла участие Лоло де ла Торрьенте, кубинская общественная деятельница и журналистка, которая в 1937 г., после годового тюремного заключения на Кубе «за подрывную пропаганду» [Rodríguez Bolufé 2004: 45], эмигрировала в Мексику. Когда в 1937 г. в Мехико проходил съезд мексиканской Лиги революционных писателей и художников (*Liga de Escritores y Artistas Revolucionarios*), в нем приняли участие делегаты из Перу, Кубы, Гватемалы и Венесуэлы [Fuentes Rojas 1995: 99]. Тогда же Хуана Маринельо избрали секретарем по зарубежным связям Лиги.

Во время своего трансатлантического путешествия Альберти и Леон включаются в межамериканские связи литературных объединений, и в то же время, опираются на общие с американцами контакты в СССР. Перед отъездом на Кубу они познакомились в Нью-Йорке с писателями группы *New Masses*. Если мы обратимся к материалам журнала *New Masses* за 1935 г., то увидим, что положению на Кубе за год было посвящено пятнадцать статьей, среди них был и протест против тюремного заключения кубинской интеллигенции, который опубликовал в номере журнала от 30 апреля 1935 г. Алан Калмер

[Calmer 1935], когда испанские писатели уже были на Кубе. В своем отчете МОПР Альберти и Леон отмечали, что в США испанский вопрос вызывал гораздо меньше интереса, чем проблемы Кубы. Таким образом, их нью-йоркский опыт стал определяющим для дальнейших действий и встреч на антильском острове.

Сложно сказать, обсуждали ли Альберти и Леон свое намерение посетить в тюрьме Маринелью, Педросо и Вальдеса Родригеса в Нью-Йорке. Из письма Леон Кельину следует, что скорее всего они были уже знакомы с Вальдесом («мы повидали Вальдеса Родригеса»), но Маринелью не знали, как не знал его и Кельин, потому что в СССР того времени фигура Маринелью востребована еще не была, и только начиная с сороковых годов советские газеты начали писать о нем как об «известном кубинском писателе». Впрочем, и в тексте письма Леон в первую очередь пишет о Вальдесе, а Маринелью упоминает во вторую очередь («с ним был Маринелью»). Педросо вообще остался за рамками ее описания, хотя уже обменивался письмами с советскими сотрудниками МОПР и с тем же Кельиным. Очевидно, что план посещения заключенных кубинских литераторов родился у Альберти и Леон в Америке, в Нью-Йорке, и заранее с Москвой не обсуждался, что еще раз свидетельствует о том, что во время поездки по Америке они опирались в первую очередь на межамериканские связи литераторов левого толка.

Леон и особенно Альберти стояли на антиимпериалистических позициях, многочисленные примеры чему можно найти в травелоге испанского поэта и в его поэтическом сборнике. Однако восприятие американского пространства у испанцев имело свою специфику. Леон начинает свое письмо в Москву примечательной фразой: «мы в самом разгаре нашего завоевания Америки». Речь идет о конкисте, и хотя в утверждении писательницы и чувствуется доля иронии, она обращается к теме, широко представленной в испанской мысли первой трети XX в. и в эссеистике, посвященной проблемам Испании и Америки. Альберти также развивает тему конкисты в своем травелоге, озаглавив его «Встреча в Новой Испании с Берналем Диасом дель Кастильо». Перу Диаса дель Кастильо, солдата и писателя, как известно, принадлежит «Правдивая история завоевания Новой Испании» (*Historia verdadera de la conquista de la Nueva España*, опубл. 1632). Альберти обыгрывает тему, вступая в литературный диалог с автором эпохи Возрождения, и сразу оговорив, что пусть, как и его предшественник, он и отправился в Америку «в поиске приключений», но в отличие от него,

он «не был испанцем конкисты», завоевания: «Я сразу стал испанцем завоеванным, но завоеванным самими историями [...] стран, в которые приезжал» [Alberti 2000: 179]. Тематизируя языковое взаимодействие испанцев и индейцев, формирование креольского испанского и его встречи с английским, испанский поэт образно излагает основные этапы конкисты, утраты Испанией Кубы в 1898 г. и появления нового «врага» независимости карибского острова, США, с которым начинается «новая битва, еще более тяжкая, более жестокая, более страшная, чем прежняя, превратившая сегодня кубинцев в героических жителей острова-мученика» [Alberti 2000: 183].

Солидарность с Кубой в ее стремлении к обретению независимости у Альберти и Леон сосуществует с ностальгическим нарративом представителей метрополии, сожалеющих об утраченной колонии. Описывая свое прибытие на Кубу, Альберти совершает намеренную ошибку: «... мы высадились в Кадисе, то есть, в Гаване. Потому что через полчаса Гавана преобразилась, став для меня Кадисом» [Alberti 2000: 179-180]. Альберти присваивает себе американскую реальность, описывая ее через код родной ему Андалусии.

Парадоксальное восприятие Кубы как своего пространства коррелирует с доктриной испаноамериканизма. В основе испаноамериканизма, как известно, лежало понятие расы, но не в биологическом смысле, а как некоего «психологического единства» [Pike 1971: 129] испанцев и жителей Америки, к чему следует добавить единство языка и католической религии. Испания, утратившая свое превосходство и влияние в Южной Америке, противопоставляла меркантилизму США свою особую «духовность». Вековая мудрость, истинный дух испаноязычного мира, как полагали публицисты, давали Испании право выполнять особую цивилизационную миссию в Америке [Pike 1971: 131, 138], а также обладать монополией на влияние в странах Латинской Америки и вытеснить оттуда другие европейские державы, в первую очередь, Францию и Италию [Sueiro Seoane 1992: 146].

В период диктатуры Примо де Риверы (1923-1930) в Испании большое значение и размах приобретают «празднования Дня Расы», 12 октября, «с целью подчеркнуть солидарность, которая *должна* существовать между народами с общими корнями» [Sueiro Seoane 1992: 143]. Тогда же испаноамериканизм превращается в одну из самых обсуждаемых на страницах испанской печати тем, хотя и становится предметом критики представителей левого крыла,

требующих для стран Латинской Америки такого же статуса, как и у Испании, и отвергающих наставничество бывшей метрополии по отношению к утраченным колониям, обычно представляемое в образах родства, древней родины-матери и ее дочерей [Sueiro Seoane 1992: 145].

В Латинской Америке испаноамериканизм, как правило, вызывал отторжение. Э. Авилес Рамирес, никарагуанский литературный критик, в 1917–1925 гг. работал на Кубе, затем отправился во Францию, а оттуда переехал в Испанию. В своей статье, написанной для *Gaceta Literaria*, он отказывает Испании во влиянии на современных кубинских писателей, утверждая, что молодые авторы ориентируются на французскую и русскую литературы, но все-таки отдает дань уважения испанской литературе, послужившей источником словесности Нового Света. Здесь вновь возникают картины конкисты, в которых можно заметить отзвуки испаноамериканизма:

На борту фрегатов конкисты, вместе со шпагой и крестом, плыла лира. Завоевание испанцами американской души в сотни раз важнее, мощнее, извечнее, чем материальное завоевание. Когда наши земли получили независимость, мы почувствовали, что империя духа осталась неизменной, а Куба, страна, последней разорвавшая свои политические оковы, продолжает быть, если выразиться поэтически, цветком иберийского куста. [...] До конца прошлого столетия там думали, чувствовали, творили как в самом Мадриде [Avilés Ramírez 1927: 5].

На примере Кубы Авилес Рамирес подчеркивает существование духовного единства испаноязычного мира и это суждение довольно показательное.

Альберти в своем травелоге развивает образ испанского языка, прибывшего на борту «первых каравелл» вместе с конкистадорами:

Испанское «да» прибыло острое, режущее, как шпага конкисты. Оно принуждало своим лезвием, окровавливая, подвергая пыткам, убивая, стирая наконец «да» коренных народов, пока не стало единственным хозяином карибского архипелага [Alberti 2000: 182].

Для него колонизация Америки лишена ауры героического деяния, и он пользуется образами конкисты для того, чтобы установить парал-

лелизм с современной ситуацией на Кубе, когда империализм США лишил страну сырьевой и политической независимости. Тем не менее, во всех текстах о трансатлантическом вояже Альберти рассматривает общность языка как важный фактор единства стран Испанской Америки. Из своего травелога он исключает повествование о Нью-Йорке и сосредотачивается на Кубе и Мексике. В отчете МОПР все свои предложения Альберти и Леон связывают с испаноязычной Латинской Америкой и отмечают простоту коммуникаций, «которую обеспечивает единство языка для двадцати государств». В поэтическом сборнике «13 полос и 48 звезд» лирический герой оказывается наделен особой чувствительностью, позволяющей ему слышать народы Латинской Америки и понимать их страдания: «Но в Америке еще бьется пульс / агонизирующих стран, которые кричат мне / на моем родном языке» [Alberti 1936: 11]. В случае с Альберти и Леон можно говорить об их критическом диалоге с испаноамериканизмом и некотором приближении к латиноамериканизму, хотя им и не чуждо представление об испаноязычном мире как едином пространстве. Но они отказываются от идей панамериканизма, потому что в их концепции США – однозначно враждебная держава, противостоящая странам Латинской Америки.

Подводя итог своей остановке на Кубе, Альберти пишет о поэтическом сборнике Николаса Гильена «Вест-Индия» (*West Indies, Ltd*, 1934), который он купил себе перед плаванием:

Как долго еще, думал я, в этих прекрасных антильских землях будут появляться столь горькие стихи, как у Гильена? Как долго будут подниматься столько голосов протеста и сжиматься столько кулаков...? [Alberti 2000: 184].

Уехав с Кубы, Альберти и Леон неоднократно проявляли свою солидарность с кубинскими писателями и поэтами, на многие годы сохранив память о первой встрече с островом Карибского моря.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАРИЯ ТЕРЕСА ЛЕОН – ФЕДОРУ КЕЛЬИНУ*
(Апрель 1935 г.)

Querido Kelyn⁹:

Estamos en plena conquista de América. Sí, éxito, éxito en casi todo nuestro trabajo. El interés por lo sucedido en España¹⁰ se despierta en los países que recorreremos y hasta económicamente se saca alguna cosa. Estamos en esta maravillosa isla desde el martes pasado y saldremos para México el martes que viene¹¹. Dos semanas estupendas. Ayer vimos a Valdés Rodríguez¹², detenido en la fortaleza del Príncipe, hablamos de ti con el cariño que sabes tiene por su hermano Fedor su familia española. Con él estaba Marinello. Son los dos simpatiquísimos. Llorando nos besamos etc. La situación no sé cuándo cambiará. Ellos están tranquilos y animados. Quiere Valdés que le digas si se publicaron sus artículos. Y le

---

⁹ Kelyn, Fedor (1893–1965). Hispanista, traductor. A partir de 1931, secretario responsable de la comisión española de la MORP (Organización Internacional de Escritores Proletarios con la sede en Moscú). En 1932–1933 dicha comisión pasó a llamarse iberoamericana. Tras el Primer Congreso Internacional de Escritores para la Defensa de la Cultura, celebrado en verano de 1935 en París, la MORP dejaría de existir y sus secciones soviéticas, encargadas de contactos con los literatos de varios países del mundo, se transformarían en la Comisión Extranjera de la Unión de Escritores Soviéticos.

¹⁰ León se refiere al Octubre Rojo en Asturias. En 1935, Alberti y León realizaron el viaje a las Américas con la misión del Socorro Rojo Internacional, cuyo objetivo principal consistía en la recaudación de fondos a favor de los mineros y sus familias, víctimas de las represalias gubernamentales. Véase al respecto Marrast (1984) y Pulido Mendoza (2010).

¹¹ Alberti y León llegaron a La Habana el martes del 16 de abril de 1935, y continuaron su viaje a bordo del *Siboney* con rumbo a Veracruz tres semanas más tarde, el 7 de mayo.

¹² José Manuel Valdés Rodríguez, periodista y crítico de cine. Véase Dueñas Becerra (2018).

---

* Публикация выполнена по источнику: РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 9–9об. В начале документа имеется помета рукой Ф. Кельина: «[Получено] 19 мая 1935 г.». Письмо написано на бланке гостиницы «Саратога», предположительно, в двадцатых числах апреля. Русский перевод мой.

RGALI, f. 2555, op. 1, ed.khr. 82. La consulta de los documentos en los archivos de la Federación Rusa requiere autorización personal que ha sido concedida a la editora de la carta. Para citar se ruega reproducir los datos completos de la presente publicación. Al inicio de la carta Kelyn añadió: “Recibido el 19 de mayo de 1935”. La carta está escrita en el papel con el membrete del hotel *Saratoga* sobre el 20 de abril de 1935.

mandes las revistas. Di a Ludkiewicz¹³ que en una reunión que tuvimos con los escritores norteamericanos hablé yo y parece ser que convencí a muchos de ellos. Tomarán parte en el congreso y se descubrirán cosas que les importan¹⁴.

Te mando una carta para Carlos, de las Ediciones Sociales¹⁵. Yo no he podido terminar la traducción pero la hace José Robles, como verás por la carta, muchacho magnífico que quiere ir a conocer la Unión¹⁶. Te mandaré mi libro de cuentos para que lo publicuéis¹⁷. He hecho un contrato de publicación. Los rublos de la edición rusa se los daremos a José Robles para que viva 15 días en Moscú. Escribe a París: Hernando Viñes, Vavin 26¹⁸ y ellos nos mandarán la carta.

Abrazos cariñosísimos de María Teresa.

[П Е Р Е В О Д:]

Дорогой Кельин!

Мы в самом разгаре нашего завоевания Америки. Да, успех, успех почти во всей нашей работе. Интерес к произошедшему в Испании просыпается в странах, куда мы приезжаем, и нам даже

---

¹³ Stanisław Ludkiewicz (1897–1937), pseudónimo de Klemens Fenigstein, crítico literario y secretario de la MORP, desde 1931 residente en Moscú. Alberti y León le conocieron en verano de 1934, en el Primer Congreso de Escritores Soviéticos.

¹⁴ León intervino ante los escritores neoyorkinos en vísperas del Congreso de Escritores Americanos que tendría lugar los días 26–28 de abril en 1935.

¹⁵ León se refiere a la delegación francesa de la editorial Europa-América. En 1935, a partir de la versión francesa (Cholokhov, M. *Terres défrichées*; trad. avec l'autorisation de l'auteur par Alice Orane et Georges Roux. Paris: Éd. sociales internationales, 1933) la escritora empezó a traducir la novela de Mikhail Sholokhov. Le informa a Kelin sobre su deseo de traspasar la labor traductora a José Robles con quien coincidió en la universidad de Baltimore, donde Alberti dio una conferencia sobre su poesía. No obstante, la traducción española fue retomada por Javier Ledesma y vio la luz un año más tarde (Cholokhov, M. *Campos roturados*. Novela. Versión española de J. Ledesma y María Teresa León. Barcelona: Ediciones Europa-América, 1936).

¹⁶ El destino de Robles fue tratado por I. Martínez de Pisón en el ensayo *Enterrar a los muertos* (Barcelona: Seix Barral, 2005). En 2012, le dedicó su libro el ensayista estadounidense Stephen Koch (*The Breaking Point: Hemingway, Dos Passos, and the Murder of Jose Robles*. Berkeley, CA: Counterpoint, 2012).

¹⁷ En el viaje transatlántico María Teresa estuvo embarcada en la tarea de concretar la edición de su libro *Cuentos de la España actual* (1935). No queda claro a qué contrato de publicación se refería al haber concluido su estancia en Nueva York. En realidad, conseguiría publicar sus relatos más tarde, en México, a donde llegaron desde La Habana (México D.F.: Dialéctica, [1935]). No obstante, su propuesta de editarlo en ruso no llegó a buen puerto.

¹⁸ León le facilita a Kelin la dirección del estudio parisino del artista Hernando Viñes.

удается кое-что заработать. На этом чудесном острове мы находимся с прошлого вторника, а в Мексику отправимся во вторник следующий. Две прекрасные недели. Вчера мы повидали Вальдеса Родригеса, задержанного в Кастильо-дель-Принсипе, и говорили о тебе с той нежностью, которую, как ты знаешь, питает к своему брату Федору его испанская семья. С ним был Маринельо. Они оба невероятно милы. Со слезами на глазах мы расцеловали друг друга и т.д. Они спокойны и не теряют духа. Вальдес хочет, чтобы ты сообщил ему, опубликованы ли его статьи. И чтобы ты выслал ему журналы. Скажи Людкевичу¹⁹, что на нашем собрании с североамериканскими писателями выступала я и, как мне кажется, убедила многих из них. Они примут участие в съезде, и станет известно, что им важно²⁰.

Я отправляю тебе письмо для Карлоса из «Социального издательства»²¹. Я не смогла закончить перевод, но им занялся Хосе Роблес²², как ты узнаешь из письма, чудесный молодой человек, который

¹⁹ Со Станиславом Людкевичем (наст. имя Клеменс Фенигштейн; с 1931 г. жил в СССР, в 1932–1935 гг. был ответственным секретарем МОРП) Альберти и Леон познакомились в Москве летом 1934 г., о чем пишет в своих воспоминаниях его сын: «Во время I Съезда советских писателей мои родители подружились с прекрасной супружеской парой – испанцами Марией Тересой Леон и Рафаэлем Альберти». *Людкевич Ст. (сын)*. «Станислав Людкевич. Воспоминания» // Из истории Международного объединения революционных писателей (МОРП). М.: Наука, 1969. С. 444. (Литературное наследство. Т. 81.)

²⁰ Леон имеет в виду выступление перед американскими писателями в Нью-Йорке в преддверии первого учредительного съезда американской писательской лиги, который состоялся 26–28 апреля 1935 г., когда Альберти и Леон находились уже на Кубе.

²¹ Под «Социальным издательством» в данном случае Леон имеет в виду парижское отделение издательства “Europa-América”. Издательство “Europa-América”, занимавшееся выпуском литературы на испанском языке, было создано Коминтерном в 1929 г. и начало свою работу в Париже и Буэнос-Айресе. Международная многоязычная издательская сеть Коминтерна также имела представительства в Нью-Йорке (International Publishers), а с 1932 г. – в Барселоне. В 1935 г. Леон, владевшая французским, начала работать в Париже над переводом с французского языка романа М. Шолохова «Поднятая целина» (Cholokhof, M. *Terres défrichées*; trad. avec l'autorisation de l'auteur par Alice Orane et Georges Roux. Paris: Éd. sociales internationales, 1933). С Хосе Роблесом (о нем см. в прим. 13) они встречались весной 1935 г. в университете Балтимора и тогда же могли обсудить с ним продолжение перевода, который изначально собиралась выполнить Леон. На испанском роман вышел в 1936 г., но закончил его переводчик Хавьер Ледесма (Cholokhof, M. *Campos roturados*. Novela. Versión española de J. Ledesma y María Teresa León. Barcelona: Ediciones Europa-América, 1936).

²² Хосе Роблес Пасос (José Robles Pasos, 1897–1937) – филолог, переводчик,

хочет поехать в Советский Союз. Я вышлю тебе книгу моих рассказов, чтобы вы их напечатали²³. Я подписала договор с издательством. Сумму в рублях от русского издания мы передадим Хосе Роблесу, чтобы он провел 15 дней в Москве. Пиши в Париж: Эрнандо Виньесу²⁴, ул. Вавен, 26, а они переprüвят нам письмо.

Нежно обнимаю. Мария Тереса.

ЛИТЕРАТУРА

[Маринельо 1968] – *Маринельо Х.* Современники. Заметки и воспоминания. М.: Прогресс, 1968.

[Педросо 1935] – *Педросо Р.* Сентябрь / Пер. с исп. Ф.В. Кельина // Интернациональная литература. 1935. № 6. С. 65–67.

[Тусинов 2013] – *Тусинов Е.Г.* Противостояние Ф. Батисты и А. Гитераса на Кубе 1933–1935 гг. // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 11-2 (18). С. 14–16.

[Юмашева 1993] – *Юмашева О.* «Да здравствует Мексика!» Сергея Эйзенштейна. Новые факты и комментарии // Искусство кино. 1993. № 2. С. 61–72.

преподавал в это время испанский язык в Университете Джонаса Хопкинса в Балтиморе, куда Альберти пригласили выступить с лекцией о поэзии. Роблес сотрудничал с мадридской *Gaceta Literaria*, дружил с Дж. Дос Пассосом и, в частности, перевел на испанский язык его роман «Манхэттен». По версии испанского писателя И. Мартинеса де Писона, изложенной в книге «Похоронить мертвых» (*Enterrar a los muertos*, 2005), Роблес во время гражданской войны в Испании работал переводчиком советского военного советника В. Горева и был убит агентами НКВД. Судьба Роблеса привлекла и американского публициста Ст. Коха (Koch, St. *The Breaking Point: Hemingway, Dos Passos, and the Murder of Jose Robles*. Berkeley, CA: Counterpoint, 2012).

²³ В 1935 г. Леон была занята продвижением публикации своей книги «Рассказы современной Испании» (*Cuentos de la España actual*, 1935). Скорее всего, она имеет в виду этот сборник. Не вполне ясно, о договоре с каким издательством идет речь, учитывая, что Леон находится в Америке. Лишь один ее рассказ, «Желуди» (*Acorns*, 1935), вышел в переводе на английский язык в журнале *New Masses* 15:2 (1935): 16–17. Позже, весной-летом 1935 г., уже в Мексике, Леон удалось договориться об издании сборника на испанском (México: *Dialéctica*, [1935]). На русский язык книга переведена не была.

²⁴ Эрнандо Виньес (1904–1993) – французский художник испанского происхождения. Леон указывает адрес студии художника в Париже.

REFERENCES

[Alberti 1936] – Alberti, R. *13 bandas y 48 estrellas. Poema del Mar Caribe*. Madrid: Imprenta de Manuel Altolaguirre, 1936.

[Alberti 2000] – Alberti, R. “Encuentro en la Nueva España con Bernal Díaz del Castillo.” Alberti, R. *Prosas encontradas*, ed. R. Marrast. Barcelona: Seix Barral, 2000: 178–201.

[Alemany Bay 2011] – Alemany Bay, C. “Federico García Lorca en Cuba: Vivencias personales y literarias. Su huella.” *Con Lorca: viajero por América. Actas de un encuentro celebrado en 2011 con motivo del 75 aniversario de la muerte del poeta*. Online at https://cvc.cervantes.es/literatura/lorca_america/lorca_cuba.htm.

[Avilés Ramírez 1927] – Avilés Ramírez, E. “Panoramas de la poesía en Cuba.” *La Gaceta Literaria* 16 (1927): 5.

[Calmer 1935] – Calmer, Alan. “Amnesty for Cuban Intellectuals.” *New Masses* XV:5 (30 April 1935): 21.

[Dueñas Becerra 2018] – Dueñas Becerra, J. “José Manuel Valdés Rodríguez: pionero de la crítica cinematográfica insular.” Online at <http://www.uneac.org.cu/moviendo-los-caracoles/jose-manuel-valdes-rodriguez-pionero-de-la-critica-cinematografica-insular>

[Eisenstein 1933] – Eisenstein, S.M. “An American Tragedy.” *Close-Up* X:2 (1933): 109–124.

[Fuentes Rojas 1995] – Fuentes Rojas, E. *La Liga de Escritores y Artistas Revolucionarios: una producción artística comprometida*. Tesis doctoral inédita. UNAM, 1995.

[Haran 2011] – Haran, B. “Machine, Montage, and Myth: Experimental Cinema and Politics of American Modernism during the Great Depression.” *Textual Practice* 25:3 (2011): 563–584.

[I.S.L.] – I.S.L. “Pedroso, Regino (1896–1983).” Online at <http://www.mcncbiografias.com/app-bio/do/show?key=pedroso-regino>.

[Iumasheva 1993] – Iumasheva, O. “*Da zdravstvuet Meksika! Sergeia Eizenshteina. Novye fakty i kommentarii.*” [“Sergey Eisenstein’s *Que viva México!* New Facts and Commentaries.”] *Iskusstvo Kino* 2 (1993): 61–72. (In Russ.)

[León 1999] – León, M.T. *Memoria de la melancolía (1970)*. Barcelona: Galaxia Gutenberg, 1999.

[Marinello 1931] – Marinello, J. “Carta a John Dewey.” *Repertorio Americano* XXII:3 (1931): 33–35.

[Marinello 1968] – Marinello, J. *Sovremenniki. Zametki i vospominaniya* [Contemporaries. Notes and Memories]. Moscow: Progress Publ., 1968. (In Russ.)

[Marrast 1984] – Marrast, R. *Rafael Alberti en México (1935)*. Santander: La isla de los ratones, 1984.

[Noticiero 1931] – “Noticiero americano.” *La Gaceta Literaria* 101–102 (1931): 15–16.

[Novás Calvo 1931] – Novás Calvo, L. “Cuba literaria.” *La Gaceta Literaria* 118 (1931): 1–4.

[Pacheco González 2017] – Pacheco González, M.C. “Juan Marinello y el latinoamericanismo fecundante (1923–1937).” *Las Izquierdas Latinoamericanas: Multiplicidad y Experiencias durante el Siglo XX*. Santiago: Ariadna Ediciones, 2017. Online at <http://books.openedition.org/ariadnaediciones/840>

[Pike 1971] – Pike, F.B. *Hispanismo, 1898–1936. Spanish Conservatives and Liberals and Their Relations with Spanish America*. Notre Dame, IN; London: University of Notre Dame Press, 1971.

[Pulido Mendoza 2010] – Pulido Mendoza, M. “La recepción de la huelga de Asturias en la prensa de izquierdas de Nueva York: nuevos datos sobre María Teresa León y Rafael Alberti en 1935.” *Revista de Literatura* LXXII:143 (2010): 187–226.

[Rodríguez Bolufé 2004] – Rodríguez Bolufé, O. M. “Loló de la Torriente: protagonista de vínculos culturales en América.” *Crónicas* 7 (2004): 45–49.

[Sueiro Seoane 1992] – Sueiro Seoane, S. “Retórica y realidades del ‘Hispanoamericanismo’ en la Dictadura de Primo de Rivera”. *Mélanges de la Casa de Velázquez* 28-3 (1992): 143–159.

[Tusinov 2013] – Tusinov, E.G. “Protivostoianie F. Batisty i A. Giterasa na Kube 1933–1935 gg.” [“Confrontation of F. Batista and A. Guiteras in Cuba in 1933–1935.”] *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* 11-2 (18) (2013): 14–16. (In Russ.)